

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	11
ВВЕДЕНИЕ	13
<i>Реформа сверху</i>	13
<i>Столыпин: человек, начавший реформы</i>	14
<i>Цели этой книги</i>	20
ГЛАВА 1. СОЗДАНИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ	25
<i>Сущность реформ</i>	25
<i>Либеральная демократия</i>	26
<i>Права собственности, гражданское общество и либеральная демократия</i>	30
<i>Пути перехода к либеральной демократии</i>	33
<i>Либерализация прав собственности в царской России</i>	40
ГЛАВА 2. ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ, ПОДЛЕЖАВШИЕ РЕФОРМИРОВАНИЮ	45
<i>Общинные поля</i>	45
<i>Переделы</i>	53
<i>Семейная собственность против личной</i>	62
<i>Издержки чересполосицы, передела и семейной собственности</i>	64
<i>Ограничения на выход, продажу или обмен в эпоху после освобождения крестьян</i>	76
<i>Изменение правил накануне столыпинских реформ</i>	83
<i>Социология общины</i>	85
<i>Отношение к закону, собственности и личным достижениям</i>	88
ГЛАВА 3. ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯН НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ	99
<i>Динамика сельскохозяйственной производительности на душу населения</i>	101
<i>Крестьянская земля</i>	107
<i>Производительность крестьянского и помещичьего хозяйства</i>	117
<i>Цены на землю и зерно; Государственный крестьянский поземельный банк</i>	118
<i>Налоговое время</i>	125
<i>Белый взгляд на крестьянскую жизнь</i>	127

ГЛАВА 4. ПОЛИТИКА РЕФОРМ	131
<i>Состав первой Думы</i>	132
<i>Помещики</i>	133
<i>Эсеры, трудовики и другие крестьянские представители</i>	135
<i>Кадеты</i>	144
<i>Использование ст. 87</i>	153
<i>Сопутствующие реформы</i>	156
ГЛАВА 5. ОБЗОР РЕФОРМ	165
<i>Положения реформы: основные черты</i>	165
<i>Результаты реформ</i>	172
<i>Динамика потока запросов</i>	178
<i>Различия между губерниями</i>	182
<i>Различия в величине наделов, выделенных или переведенных в личную собственность</i>	195
ГЛАВА 6. ЗАДАЧИ И ДАВЛЕНИЕ: ЗАМЫСЕЛ РЕФОРМЫ	199
<i>Ложный след</i>	202
<i>«Административное давление»</i>	210
<i>Пристрастность в пользу укрепления земли в собственность и выделения земли к одному месту</i>	216
<i>Укрепление наделов в собственность как помеха выделам</i>	227
<i>Настойчивость правительства в вопросе о форме землеустройства</i>	231
<i>Ущербность новых прав собственности</i>	235
ГЛАВА 7. ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	245
<i>Производительность</i>	246
<i>Краткосрочный социальный стресс</i>	252
<i>Отношение крестьян к реформе: принятие и отказ в ходе революции; землеустройство в Сибири</i>	255
<i>Выгоды: мягкие переменные</i>	259
<i>Поправление новых прав собственности</i>	263
<i>Перспективы либеральной демократии в условиях, когда нелиберальный режим делает добровольные шаги в направлении либерализма</i>	269
<i>Кода: приватизация сельскохозяйственных угодий в современной России</i>	273
ПРИЛОЖЕНИЕ	279
ЛИТЕРАТУРА	288
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	302

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Автор предлагаемой вниманию русскоязычного читателя книги, выходящей в серии «История», Стивен Уильямс — не академический ученый, а практикующий юрист. В настоящее время он является старшим окружным судьей Федерального апелляционного суда в округе Колумбия. Он был назначен в этот суд президентом Р. Рейганом в 1986 г. и получил статус старшего судьи в 2001 г. До того как стать судьей С. Уильямс занимался частной юридической практикой, занимал административные должности, а также преподавал право в должности профессора в нескольких университетах США.

Книга «Либеральные реформы при нелиберальном режиме» представляет собой попытку осмысления исторического опыта на основе проведенных к настоящему времени исследований столыпинской реформы. То, что эта работа выполнена человеком, не принадлежащим к русской культуре по своему происхождению и не являющимся историком по основной специальности, не только не умаляет, но, наоборот, повышает ее ценность: «взгляд со стороны» необходим при осмыслении любой проблемы.

С. Уильямс сосредоточивает свое внимание на ключевом вопросе: если реформа, создающая или закрепляющая право частной собственности, проводится в стране, не являющейся либерально-демократической, то каковы шансы на успех и какие факторы могут способствовать или, напротив, препятствовать достижению целей реформы? Вряд ли у кого-либо могут возникнуть сомнения в актуальности такой постановки вопроса. Пытаясь найти ответ на него для случая столыпинской аграрной реформы, автор привлекает огромное количество материала, содержащегося в исследованиях историков и документальных источниках.

Особый интерес для широкого круга российских читателей, в том числе специалистов, представляет применяемый автором подход к интерпретации исторических и историко-экономических фактов. С. Уильямс работает в парадигме так называемой школы экономики и права, что неудивительно, так как данный подход получил широкое применение именно

в юриспруденции, которой автор посвятил свою профессиональную карьеру. Одним из ключевых элементов этой парадигмы является акцент на анализе «транзакционных издержек» — проще говоря, на оценке того, насколько существующие в обществе институты способствуют или мешают достижению соглашений между людьми и выполнению этих соглашений. Неудивительно, что права собственности являются излюбленным предметом применения такого вида анализа: отношения собственности являются отличным общественным механизмом для организации совместной деятельности людей и минимизации конфликтов. В настоящее время существуют работы, в которых анализ транзакционных издержек используется для осмысления истории человеческих обществ, однако в этой сфере мало что сделано применительно к российской истории. Работа С. Уильямса является в этом отношении новаторской и отчасти заполняет этот пробел.

«Либеральные реформы при нелиберальном режиме» — первая книга в серии издательства «ИРИСЭН», целиком посвященная России. По мнению Редакционного совета, она будет интересна широкому кругу читателей, интересующихся российской историей и осмыслением опыта реформ.

Валентин ЗАВАДНИКОВ,
председатель Редакционного совета.
Сентябрь 2008 г.

«...главный довод в пользу личной свободы покоится преимущественно на понимании того, что все мы необходимо и неизбежно пребываем в неведении о большинстве факторов, от которых зависит достижение наших целей и наше материальное благополучие».

Фридрих Хайек
(1889—1992),
лауреат Нобелевской премии
по экономике 1974 г.

Карта 1.1. Губернии Европейской части России

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда в декабре 1991 г. пал Советский Союз, неизбежно возник вопрос об историческом опыте России в проведении рыночных реформ. Из школьного курса европейской истории в моей памяти застряли аграрные реформы премьер-министра Петра Столыпина, позволившие крестьянам перевести свои земельные владения из «общинной» собственности в частную. Попытавшись составить более ясное представление об этих реформах, я обнаружил множество научных работ. Но при этом я не нашел ни общего обзора реформ, предназначенного интеллигентному гражданину, которого интересуют права собственности и развитие либеральной демократии, ни последовательного рассмотрения этих реформ с позиций современного экономико-правового движения [law-and-economics movement]. Так и возник замысел этой книги.

Вначале у меня было две идеи, которые вроде бы противоречили друг другу. С одной стороны, мне представлялось, что добровольная «реформа» сверху вряд ли способна привести к развитию либеральной демократии. Логика здесь простая. Либеральная демократия — это прежде всего распыление власти. Когда новые социальные группы постепенно становятся настолько сильны, что с ними приходится считаться и договариваться, они могут добиться уступок, закрепляющих их положение и институционализирующих их властные позиции. Одновременно, однако, приходится признать, что элиты или самодержцы вряд ли могут добровольно пойти на ограничение своей власти. С другой стороны, реформы Столыпина выглядят как добровольный и ответственный шаг к либеральной демократии. Я решил, что изучение реформ заставит меня пересмотреть хотя бы одну из этих идей — и так оно и получилось.

Я полагался главным образом на публикации — а в важных случаях и на совет и понимание — западных ученых. Хотя я прочел довольно много вторичных источников на русском языке, я не провел серьезного архивного исследования. Моя работа с первоисточниками на русском ограничилась ключевыми документами — указом от 9 ноября 1906 г. и законами

от 14 июня 1910 г. и 29 мая 1911 г. Важнейшие положения этих документов я включил в приложение.

* * *

Я хочу поблагодарить за помощь нескольких из большого числа тех людей, которые помогли мне написать эту книгу. Прежде всего Джека Пауэлсона и Джейми Педерсена за то, что они подняли многие вопросы и возбудили во мне интерес к ним; а также Эйба Аскера за то, что он меня ободрял и давал ценные советы. Во-вторых, за всевозможные подсказки и указания в ходе работы — Франка Далберга, Бэзила Кармоди, Стивена Хоха, Янни Котсониса, Леонарда Ролфа, Питера Роудика (из Библиотеки Конгресса). В-третьих, я благодарен друзьям, целиком или по частям читавшим черновые варианты текста, за их полезные комментарии и советы — Игорю Бирману, Джейсону Бордову, Мэри Шеффер Конрой, Дэвиду Гендерсону, Энн Джозеф, Даниэлю Ленерцу, Дэвиду Мейси, Ануп Мэлани, Нику Парилло, Джону Плаффу, Присциле Рузвельт, Мэтту Стивенсону, Дэвиду Стетсону, Питеру Сцентону и Дэвиду Тателу. Должен подчеркнуть свою особую признательность Дэвиду Мейси, поделившемуся со мной своими энциклопедическими знаниями о столыпинских реформах. Дэвид Брегдон проделал героическую работу по упорядочиванию данных об изменениях производительности российского сельского хозяйства, а Жанна Леви очень помогла мне с переводами. Спасибо также двум анонимным рецензентам и Рене Гендерсон, которая внимательным редакторским глазом прошла по всему тексту. И огромное спасибо всем членам моей семьи, которые не только читали и комментировали текст, но и проявили терпимость к моей одержимости этой работой.

ВВЕДЕНИЕ

Реформа сверху

9 ноября 1906 г. правительство России издало указ, разрешивший 90 000 000 русских крестьян¹ приступить к сложному процессу преобразования своих прав собственности на землю. Указ явился беспрецедентной по масштабам попыткой утвердить режим частной собственности — фундаментальную основу либеральной демократии. Но менее чем через пять лет пуля убийцы настигла премьер-министра Петра Столыпина, поборника приватизации и последнего деятеля царской России, обладавшего видением будущего, энергией, убежденностью и красноречием, который мог бы провести страну через реформы. Через десять с небольшим лет после этого указа Октябрьская революция похоронила частную собственность, либерализм и демократию.

За провал попытки предотвратить революцию пришлось заплатить очень высокую цену, в том числе и крестьянам, которые ответили на столыпинскую реформу именно так, как и ожидал ее автор: умелым и упорным трудом. Один из крестьян позднее поведал сокамернику уже в советское время: «У меня было 20 десятин. По-ихнему, значит, я был кулаком. Ладно, зови меня кулаком. Работал я помногу, но, правду сказать, толку было немного. Не умел я взяться за дело. До тех пор, пока мне в руки не попала столыпинская брошюрка². Может, и не он ее написал, но так их называли...

И опять им стало завидно, и опять они все отобрали, а меня выгнали вон»³.

¹ David Moon, *The Russian Peasantry, 1600—1930: The World the Peasants Made* (1990), 21.

² Предположительно это была одна из брошюр по агрономии, которые печатало и распространяло правительство, взявшееся за реформу прав собственности. См.: *Бородин А. П.* Столыпин: Реформы во имя России. М., 2004. С. 187—188.

³ *Федоров Б.* Петр Столыпин: «Я верю в Россию». М., 2002. Т. 1. С. 404—405 (цитата из: *Шульгин В. В.* Размышления. Две старых тетради. Неизвестная Россия XX век. Историческое наследие. Кн. I. М., 1992. С. 325.

В 1906 г. по инициативе правительства была начата реформа прав собственности, точнее говоря, начато движение в сторону либеральной демократии, но движение это инициировало правительство, которое никто не назвал бы ни либеральным, ни демократическим. В некоторых отношениях реформа была предельно радикальной. До нее типичной крестьянской семье каждые несколько лет землю нарезали заново, и ее земельный надел представлял собой десятки полосок земли, разбросанных в разных полях, и по-настоящему он не являлся ее частной собственностью. Реформа разрешила крестьянам выходить из общины, объединять эти полоски в единый участок, который становился их наследственным владением. Реформа брала общинный крестьянский мир, который только начинал входить в соприкосновение с рынком, который управлялся еще по большей части нерыночными механизмами, и давала его обитателям возможность приспособиться к правилам и институтам рынка. Она реально могла вырвать крестьян из изоляции и впервые в истории страны сделать их полноценными гражданами российского общества.

У этой книги две основные задачи: дать четкое изложение основных особенностей реформы и ответить на вопрос: действительно ли либеральная реформа сверху — оксюморон. Их противоположностью являются либеральные реформы, проводимые под давлением низов — реформы, к которым правительства или правящую элиту принуждают группы, прежде лишенные полноты законных прав и не имеющие рычагов для непосредственного влияния на политику. Я лично считаю, что хотя либеральные реформы, добровольно начинаемые элитой страны, могут сыграть нужную роль, им всегда сопутствуют системные ловушки, делающие задачу реформаторов более сложной и тяжелой, а влияние самой реформы более ограниченным, чем всем нам хотелось бы.

Столыпин: человек, начавший реформы

Некоторые утверждают, что Петр Столыпин «сыграл лишь незначительную роль в решении о начале реформы, которая носит его имя»⁴. Это верно, но точно так же можно сказать,

⁴ George L. Yaney, *The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861–1930* (1982), 207.

что и Франклин Рузвельт «сыграл лишь незначительную роль в создании» системы социального страхования: все идеи реформы были проработаны другими до него; без политической поддержки других он не смог бы приступить к реформе, и очень трудно определить, какие же именно конкретные детали реформы несут отпечаток творческой руки реформатора. Но именно Столыпин был душой и двигателем реформ, именно он защищал их в открытых дебатах, в Думе и в государственном аппарате. Он сделал реформы своими, и он сделал их главным элементом своих планов преобразования России: «Дайте нам 20 лет покоя, и вы не узнаете Россию»⁵.

С учетом того, что он был богатым дворянином и, таким образом, являлся своего рода попечителем местного крестьянства, может показаться, что Столыпин был неподходящим кандидатом на эту роль. Но к роли двигателя изменений его подготовил весь его жизненный опыт, не говоря уж о происхождении. Он родился в 1862 г. в Дрездене, где его мать гостила у родственников⁶. Семья была высокопоставленной и с хорошими связями с начала XVII в.; прадед был другом Сперанского, великого, но неудачливого реформатора начала XIX в., а отец одно время был боевым товарищем Льва Толстого. Столыпин был двоюродным племянником Михаила Лермонтова, одного из величайших поэтов России, а его детство прошло в семейном поместье Середниково, недалеко от Москвы, известном сегодня тем, что в юности Лермонтов несколько раз проводил там лето⁷. Двоюродный брат его отца, Д. А. Столыпин, значительную часть жизни посвятил изучению крестьянской собственности и производительности крестьянских хозяйств и опубликовал много статей на эту тему. Кроме того, движимый надеждой привести крестьян к зажиточности и интеллектуальным любопытством, Д. А. Столыпин использовал собственную землю

⁵ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 167.

⁶ Корелин А., Шаццлло К. Ф. П. А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Деревня в начале века: революция и реформа / Ред. Ю. Н. Афанасьев. М., 1995. С. 8.

⁷ См.: Arcady Stolypine, *De l'Empire à l'exile: avant et après 1917. Mémoires* (1996), 19–23 (пишет о родстве с Лермонтовым через общего прадеда, Алексея Емельяновича Столыпина [1744–1810]). См. также: Федоров Б. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». М., 2002. Т. 2. С. 194–204.

для экспериментов с методами повышения производительности крестьянского хозяйства. Он, например, сдавал крестьянам в аренду компактные участки земли сроком на шесть лет и с условием, что добившиеся хороших результатов смогут приобрести ее в собственность⁸. С 1874 по 1888 г. Д. А. Столыпин возглавлял комиссию, созданную Александром II для изучения вопросов крестьянского землевладения⁹. Комиссия публиковала внушительные отчеты о своей работе, а главные выводы были изложены в книге Карла Кофода (работал в России с 1878 г., принял русское подданство и имя Андрей Андреевич Кофод. — *Перев.*), датчанина, который позднее активно участвовал в разверстании общинных земель и в проведении столыпинской реформы¹⁰.

Карьера Столыпина была блестящим образцом того, как дворянин мог служить обществу. Он поступил в Санкт-Петербургский университет в 1881 г., в год убийства Александра II, которое вселило в него «глубокое инстинктивное недоверие к российской интеллигенции»¹¹. Здесь он изучал естественные науки, в том числе некоторые труды по табачной промышленности. На последнем устном экзамене он привел в восторг своих экзаменаторов, включая Д. И. Менделеева, создателя периодической таблицы химических элементов. Они забросали его вопросами по темам, которые не были раскрыты в лекциях, и, как говорят, он правильно ответил на все. Экзамен был прерван Менделеевым, внезапно воскликнувшим, «Господи, что я делаю? Довольно!»¹². Экзаменаторы поставили ему пятерку, высшую отметку в русских учебных заведениях¹².

По выходе из университета Столыпин какое-то время поработал в департаменте статистики Главного управления землеустройства и земледелия, а потом вернулся в одну из губерний, в которых его семья владела именьями: в Ковенскую губернию (ныне город Каунас, Литва). Здесь он становится предводителем дворянства Ковенского уезда и председателем съезда

⁸ Федоров. Т. 1. С. 348; Сидорович Г. Столыпин: Жизнь за отечество. М., 2002. С. 29—37.

⁹ Корелин, Шаццлло. С. 8.

¹⁰ Федоров. Т. 1. С. 348. См. также: Тюкавкин. С. 159.

¹¹ Abraham Ascher, *The Revolution of 1905: Authority Restored* (1992), 219.

¹² Abraham Ascher, *P.A. Stolypin: The Search for Stability in Late Imperial Russia* (2001), 16.

мировых посредников. На этом посту он имел возможность (и активно ее использовал) для участия в решении практических вопросов, затрагивавших крестьян и землевладельцев, таких как соглашения о распоряжении землей. Он также присматривал за крестьянским самоуправлением. В 1899 г. он стал предводителем дворянства всей Ковенской губернии и помог в создании местного сельскохозяйственного общества для выявления и распространения передовых приемов ведения хозяйства¹³.

Положение крупного землевладельца позволило ему понять значение прав собственности. В силу превратностей дорожных маршрутов (а возможно, и плохого состояния российских дорог), в поездках по семейным имениям он периодически попадал на территорию Пруссии. Он был поражен более высокой эффективностью немецкого сельского хозяйства и усердием крестьян, качествами, которые он приписал различию в правах собственности¹⁴. Его понимание связи между правами собственности и стимулами, возникшее в этих поездках или окрепшее в них, осталось с ним на всю жизнь. Будучи премьер-министром, например, он доказывал в Думе, созданной при царе Николае II, что бесконечные переделы земли, на сохранении которых настаивали левые круги, уничтожают заинтересованность крестьян в улучшении своих (временных) наделов и лишают их возможности пробовать новые методы ведения хозяйства; он сравнил эту ситуацию с тем, как отсутствие прав собственности на воду и воздух не позволяют людям заботиться об улучшении их качества¹⁵. В самой Ковенской губернии, являвшейся частью Балтийского края, права крестьян на земельные «наделы» (земли, которыми они владели в качестве крепостных) были наследственными и переделу не подлежали. Но имела место чересполосица, и он убедил

¹³ Сидоровнин. С. 45, 48.

¹⁴ Maria Petrovna von Bock, *Reminiscences of My Father, Peter A. Stolypin* (1970), 22 (рассказывает о его сопоставлениях и говорит, что эти наблюдения «послужили основой» последующих реформ) [см.: Бок М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953]. См. также: Ascher, P. A. *Stolypin*, 19.

¹⁵ См.: Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия: полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете, 1906—1911. М.: 1991. С. 89 (речь от 10 мая 1907 г.).

крестьян нескольких деревень договориться об обмене и объединении участков, чтобы избежать разбросанности участков и связанных с этим неудобств¹⁶.

В 1902 г. Столыпин был назначен губернатором Гродненской губернии, став самым молодым губернатором в России. Через десять месяцев пребывания на этом посту его перевели на должность губернатора Саратовской губернии. Поскольку Саратовская губерния была достаточно велика, у него теперь не было промежуточного звена между ним и санкт-петербургским правительством. В 1904 г. в докладе Николаю II о положении дел в Саратовской губернии Столыпин писал, что правительству следовало бы преобразовать общинное землевладение и создать класс независимых хуторских крестьян; при этом он использовал те же экономические и политические аргументы, которыми позднее продвигал реформы, будучи уже на посту премьер-министра. Николай написал на полях: «Выраженные здесь взгляды заслуживают внимания»¹⁷. До революции 1905 г. Столыпину удавалось гасить незначительные крестьянские волнения, не прибегая к арестам или порке — обходилось разговором с зачинщиками беспорядков¹⁸. Революция вывела его на передний план, потому что он умел сочетать твердость в подавлении беспорядков с признанием необходимости реформ и стремлением входить в соглашения с умеренными элементами¹⁹.

Нам известен ряд эпизодов, иллюстрирующих способность Столыпина сохранять хладнокровие перед лицом опасности. В одном случае он врвался во взбурдаженную толпу, его осыпали бранью и угрозами, и один «здоровенный малый» подскочил к нему с дубинкой. Столыпин снял шинель и протянул этому человеку со словами: «Подержи-ка это». Человек бросил палку и взял шинель. После чего Столыпин развернулся к толпе и приказал ей разойтись; ошарашенные люди разошлись.

¹⁶ Сидоровнин. С. 48.

¹⁷ Корелин, Шаццлло. С. 11—12; Ascher, P. A. *Stolypin*, 56—59.

¹⁸ Ascher, P. A. *Stolypin*, 56—59, 42—43. См. также: Сидоровнин. С. 96—97.

¹⁹ Thomas Fallows, “Governor Stolypin and the Revolution of 1905 in Saratov”, in *Politics and Society in Provincial Russia, Saratov Province, 1500—1917*, eds., Rex A. Wade and Scott Seregny (1989), 160—190.

В другой раз, когда он выступал перед мятежной толпой, какой-то человек направил в него револьвер. Столыпин распахнул пальто и сказал: «Стреляй». Приведенный в замешательство революционер опустил руку с оружием²⁰. Даже злейшие враги признавали за Столыпиным личное мужество²¹.

По-видимому, именно проявленная им способность сдерживать беспорядки и стремление устранить некоторые из возможных их причин убедили Николая назначить Столыпина на пост министра внутренних дел в апреле 1906 г. и добавить к нему пост премьер-министра в июле того же года.

Большинство наблюдателей отмечают красноречие и находчивость Столыпина-оратора, о чем трудно с уверенностью судить тому, для кого русский язык не является родным. Однако ясно, что он умел зажечь аудиторию. Стенограммы его речей в Думе пестрят такими примечаниями: «оглушительные аплодисменты центра и правых», «крики “браво”» и «бурные аплодисменты центра и правых». Из этих примечаний следует, что его язык приводил к поляризации аудитории. Все самые знаменитые места из его выступлений строятся на антитезах. Три цитируются повсеместно. «То, что говорят [революционеры], сводится к двум словам — “руки вверх!”». И на эти два слова правительство с полным спокойствием и уверенностью в своем праве может ответить двумя словами — “не запугаете”»²². Обращаясь к своим недоброжелателям в Думе, он сказал: «Вам нужны великие потрясения. Нам нужна великая Россия». И, наконец, реплика, которую мы впоследствии разберем детально, брошенная в ходе дебатов об аграрной реформе и крайне полемичная (преимущественно в силу сознательных искажений существа дела противниками Столыпина): «Мы делаем ставку на сильных и крепких, а не пьяных и убогих».

Пребывание Столыпина на высших постах было недолгим. Ряд стычек по политическим вопросам, в том числе из-за Распутина, развращенного сектанта, которого императрица боготворила, веря, что он спасает царевича от гемофилии, сделали его врагом могущественных придворных клик и ослабили

²⁰ Ascher, P. A. *Stolypin*, 60.

²¹ См., напр.: *Вимте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 446.

²² *Корелин, Шаццлло.* С. 20.

поддержку со стороны царя. Неизвестно, смог бы он выпутаться из этих политических проблем. 1 сентября 1911 г. в Киеве, куда он приехал в свите Николая II, он вечером был на опере Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане»; его место было в партере, недалеко от ложи императора. Обеспеченный студент — имевший связи с эсерами, анархистами и тайной полицией — подошел к нему и дважды выстрелил в него из револьвера (возможно, он не стал стрелять в царя, потому что опасался, что тем самым вызовет еврейские погромы)²³. Столыпин умер вечером 5 сентября, и его последними словами были: «включите свет».

История Столыпина глубоко трогательна. Он был последним царским премьер-министром, стремившимся к реформам и обладавшим нужными интеллектуальными и личными качествами, чтобы довести их до конца. Таким образом, его пребывание во главе правительства было последним реальным шансом России провести превентивные реформы и избежать Октябрьской революции 1917 г.

Цели этой книги

Сегодня в связи с аграрными реформами Столыпина возникает множество вопросов. Россию, которая отказалась от семидесятилетнего коммунистического эксперимента, манят предреволюционные попытки реформ, но здесь не все ясно. Следует ли рассматривать столыпинские реформы как образец для подражания или как опыт неудачи? В более общем плане, если либеральный сегмент элиты *любой* нелиберальной страны стремится изменить национальную систему прав собственности в направлении к либерализму, с какого рода проблемами эта элита, вероятнее всего, столкнется? Или зададим вопрос по существу: можно ли рассчитывать, что взявшаяся за реформы элита, практически не испытывающая сильного давления снизу, доведет до конца политику, которая приведет к распылению власти, характерному для либеральной демократии, тем самым уменьшив свою собственную власть?

Столыпинские реформы уже давно возбуждают споры. Значительная часть критики, начиная с Ленина, сводилась к при-

²³ Ascher, P. A. *Stolypin*, 380.

писыванию низменных мотивов сторонникам реформ. Подобной критикой можно спокойно пренебречь. Мотивы, стоявшие за действиями исторических персонажей, — тема чрезвычайно любопытная, но безумно неуловимая. К чему бы на самом деле ни стремились Столыпин и его коллеги, все радеющие об общественной пользе сторонники реформы прав собственности в любой нелиберальной стране обречены столкнуться с теми же сложностями и противоречиями, с которыми встретились Столыпин и его команда.

Остальная часть этой книги организована следующим образом. В главе 1 дан краткий очерк реформ и сформулирована главная загадка: конфликт между либеральной демократией, являющейся явной целью этих реформ, и интересами тех, кому принадлежит власть в нелиберальном государстве. Главы 2, 3 и 4 развивают сюжет о реформах. Глава 2 посвящена, главным образом, дореформенной ситуации с правами собственности, чтобы понять возможные проблемы и соответственно причины, по которым они могли вызывать озабоченность. По ходу дела мы познакомимся с истоками дореформенного режима, чтобы понять, почему его сохранение могло считаться полезным. В главе 3 мы познакомимся с положением крестьян накануне реформ, чтобы сравнить реформы с альтернативными вариантами решения «аграрной проблемы». Главы 2 и 3 содержат много статистических подробностей. Те читатели, которых преимущественно интересуют более широкие аспекты реформ, проводимых сверху, могут спокойно их пропустить.

В главе 4 мы присмотримся к главным альтернативным решениям и к их сторонникам, а также к политическим силам, противостоявшим правительству, которое выбрало реформы как замену революции.

Остальные главы, хоть и строятся на материале первых четырех, представляют собой в целом отдельный анализ реформ и связанных с ними аргументов — в той мере, в какой эти аргументы соотносятся с проблемой либеральных реформ в условиях нелиберального режима, а также более широкие размышления об уроках реформ. В главе 5 дано описание самих реформ, и она по необходимости имеет довольно прикладной характер. Поскольку реформы дали крестьянам возможность выбора, их реакция очень важна, а потому мы анализируем степень их согласия и изменчивость согласия в зависимости от региона, времени и размера крестьянских хозяйств.

Уже зная все это, в главе 6 мы обращаемся к главным спорам по поводу реформ. В этих спорах вновь и вновь возникают две главные темы: обвинения в антидемократическом замысле и вопрос о том, не заставляли ли крестьян открытые перед ними возможности принимать идеи правительства о собственности на землю, отказываясь тем самым от своих собственных. Я же пытаюсь объединить эти две темы, постоянно задавая вопрос, как выглядела бы политика правительства, если бы оно решило просто предоставить крестьянам возможность сделать собственный выбор.

Наконец, в главе 7 я предпринимаю попытку более широкой оценки, и при этом меня интересует то, как это сказалось на производительности и на менталитете крестьян, как политика повернула вспять сразу после октября 1917 г. и как большевики в 1922 г. опять пошли примерно тем курсом, который был намечен Столыпиным; как односторонность и узость проявлялись в других аспектах аграрной политики того же периода, и какие выводы можно сделать из столыпинских реформ относительно проводимого сверху курса на либеральную демократию. Наконец, я анализирую усилия по созданию рынков и прав собственности в сельском хозяйстве страны, в которой в течение шестидесяти лет господствовали совхозы и колхозы.

Хотя реформы не были обделены вниманием исследователей, я обнаружил, что было сравнительно мало попыток использовать при их анализе аппарат экономической науки и современный подход к вопросам экономики и права. Центром последнего являются «транзакционные издержки», т. е. все издержки на то, чтобы достичь согласия и провести его в жизнь. Главная идея здесь в том, что если бы транзакционные издержки были нулевыми, исходное распределение прав собственности не имело бы большого значения — стороны сумели бы договориться об эффективных решениях²⁴. Поскольку транзакционные издержки никогда не бывают нулевыми, а очень часто оказываются чрезмерно высокими, при оценке правовых механизмов необходимо исходить из того, как они влияют на способность сторон договориться о разрешении конфликта и,

²⁴ См.: Ronald H. Coase, "The Problem of Social Cost," J. of Law & Economics 3 (1960): 1—44. [Коуз Р. Проблема социальных издержек // Коуз Р. Фирма, рынок, право. М., 1993. С. 85—139.]

придя к соглашению о перераспределении прав собственности, достичь повышения эффективности. Ведь в конце концов до столыпинских реформ проблема с крестьянскими правами собственности заключалась в том, что они создавали слишком высокие транзакционные издержки, препятствовавшие эффективному использованию земли.

Вопрос о транзакционных издержках играет также ключевую роль в анализе эволюции политических институтов и в усилиях ученых, таких как Дуглас Норт, объяснить, почему либеральные реформы, несмотря на все их явные выгоды, прошли далеко не везде. Но до сих пор проблема либеральных реформ, проводимых руководителями нелиберального государства, редко привлекала внимание авторов.

Эта книга стремится заполнить некоторые лакуны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru